

Философия языка: поздний Л. Витгенштейн и поздний Э. Гуссерль

Philosophy of Language: late L. Wittgenstein and late E. Husserl

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ»

Чернова Я.С.

канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов
e-mail: lisa68.08@mail.ru

Chernova Ya.S.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov

Талалаева Е.Ю.

Ассистент кафедры философии и методологии науки ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов

Talalaeva E.Yu.

Assistant of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ поздних работ Витгенштейна и Гуссерля, в которых проблема языка является общей почвой для исследования этих двух центральных фигур феноменологии и аналитической философии. Автор развивает свое исследование в двух частях. Первая – рассматривает подход Гуссерля к языку в «Логических исследованиях»; оставляя за собой трансцендентное размышление о языке, пересмотрена феноменологическая концепция, согласно которой сфера логики неотделима от сферы опыта. Основное внимание во второй части уделяется более поздней философии Витгенштейна, которая перешла к концепции изоморфных отношений между языком и миром.

Ключевые слова: аналитическая философия, язык, Витгенштейн, Гуссерль, феноменология, языковые игры.

Abstract

This article presents a comparative analysis of Wittgenstein's and Husserl's late works, taking the problem of language as the common ground of investigation for these two central figures of phenomenology and analytic philosophy. The author develops his study in two parts. The first part considers Husserl's approach to language after the Logical Investigations; leaving a transcendental reflection on language behind it reexamines a phenomenological conception, according to which the sphere of logic is not separable from that of experience. The main focus of the second part is

Wittgenstein's later philosophy as it moved on from the conception of an isomorphic relation between language and the world.

Keywords: Analytic Philosophy; Language; Wittgenstein; Husserl; Phenomenology; Language Games.

Проблема языка в настоящее время является отправной точкой исследования различных философских направлений и концепций. Противостояние между лингвистической философией и феноменологией в вопросе о языке стало возможным благодаря особенности этих двух движений мысли. Поэтому обращение к воззрениям Л. Витгенштейна и Э. Гуссерля является актуальным и своевременным. В труде «Логические исследования» (1900, 1901) Гуссерля можно увидеть, что теория значения остается неполной, если мы рассматриваем только идеальные единицы значения (или тождества действительности), которые составляют логическое «содержание» нашего языка [1]. Эти идеальные единицы не зависят от разнообразных актов множественности психологических переживаний, в которых они представлены. Эти идеальные единицы, рассматриваемые по своему логическому содержанию, подлежат формализации и аксиоматизации и подчиняются теории теорий, высшей задаче логики. Возникает вопрос о том, как данные значения позволяют выразить реальность. В концепции «назад, к самим вещам» Гуссерль пошатнул три логики: логику смысла или чистую грамматику, которая устраняет плохо составленные значения; логику последовательности или логику следствия, которая устраняет формальное противоречие; и, наконец, логику истины, которая устраняет материальное противоречие и разногласия с опытом [2, p. 9].

Следовательно, было бы совершенно неверно представлять Гуссерля философом, который начал бы свою логику с поворота к миру. Именно потому, что мы всегда находимся в языке, в культуре, в движении к формализации и построению теорий, оригинальное остается тем, к чему относятся наши знаки. Логика истины – это то, что постоянно возвращает к миру.

При чтении работ Витгенштейна после трудов Гуссерля, кажется, трудно найти точку соприкосновения между двумя философиями языка. В «Философских исследованиях» (1953) Витгенштейн не пытается перейти от логического языка к обычному языку посредством трансцендентной рефлексии [3]. Напротив, философ находится прямо перед языком и смотрит на то, как он работает в обычных жизненных ситуациях. Витгенштейн как бы говорит нам: «Не думай, а смотри!». В результате язык перемещается из области философских затруднений в область правильного функционирования. Если Гуссерль задается вопросом, как формализм «возвращается» через логику истины в уже существующий мир людей, то Витгенштейн изучает, как функционирует язык, который не отклоняется от нелингвистического контекста практических потребностей и намерений.

Таким образом, Гуссерль и Витгенштейн оба говорят о языке в его отношении к жизни, но зачастую их мнения непримиримы и почти несравнимы. У Гуссерля мир жизни не рассматривается напрямую, а направлен косвенно, как на то, к чему относится логика истины; мир жизни преднамеренно нацелен на «обратный опрос», основанный на логических суждениях. Витгенштейн, напротив, кажется, погружается сразу в этот мир жизни, язык которого является формой деятельности, такой как есть, пить, спать [4, с. 202]. Тем не менее было бы интересно найти особый термин, используемый в лингвистике и на который, похоже, не ссылаются ни Гуссерль, ни Витгенштейн, для того, чтобы лучше понять мнение первого и концепцию второго. К примеру, различие между «языком» и «речью», введенное Фердинандом де Соссюром в «Курсе общей

лингвистики» [5]. Посмотрим, как данное различие может прояснить дискуссию. Начнем с высказывания Витгенштейна: «Слово ("языковая игра") должно прояснить здесь, что язык является частью деятельности или формой жизни» [3, с. 82].

Данное мнение доказывает, что Витгенштейн создал не теорию «языка», а теорию «речи». И «речь» является «частью деятельности или формой жизни», а не «языком»; теперь «речь» предполагает «язык» особым образом: во-первых, как социальный феномен, т.е. как институт, который все еще принадлежит жизни, а затем (и прежде всего) как систему знаков. Теперь, если «речь» является формой деятельности, это не относится к «языку» как к закрытой системе, в которой знак противопоставляется другому знаку, а знаки, рассматриваемые отдельно, предполагают всю систему [6, с. 159]. В свою очередь, система отделяется от жизни в той же степени, в которой она стремится сблизиться с самой собой. Следовательно, теория языка предполагает не одно, а два определения смысла: первое – объясняет принадлежность к системе знаков, и второе – объясняет приложение к реальности, употребление и использование языка. Второе определение может быть определением Витгенштейна: значение слова – это его использование в языке, при условии, что «язык» означает свободное сочетание знаков в новых предложениях и в конкретной ситуации [7]. Но это определение предполагает предыдущее описание, касающееся состава знака как знака до его использования. В этом смысле следует сказать, что любое прагматическое определение языка предполагает семиологическое определение. В этом семиологическом определении необходимо рассматривать «язык» как систему, где каждый знак должен быть определен как внутреннее отношение означающего и означаемого, и все знаки должны быть связаны посредством их различия в системе.

Это различие между «речью» и «языком» позволяет сформулировать разнообразие языковых игр в единую функцию языка, не сводя ее к сущности, общей для многообразия использования [8]. Речь идет о систематическом единстве языка, которое можно найти в фонологии, морфологии и даже лексикологии. Поэтому мы можем сохранить не только понятие использования, но и понятие многообразия языковых игр, при условии, что *эти* языки относятся к *одному* языку, например, как «речь» к «языку». Можно даже дать больше свободы разнообразию видов использования, тем более мы упоминали о системном характере языка. С этим систематическим единством языка, в отличие от неисчислимого разнообразия использования речи, мы возвращаемся к проблеме Гуссерля о возвращении языка в мир жизни [9, с. 45]. Действительно, «язык», который считается «языком», не является частью деятельности или формы жизни, такой как еда, питье и сон; но это относится к форме жизни. Это не часть деятельности или формы жизни, потому что знак как таковой устанавливает расстояние от жизни, отсутствие в реальности. Именно потому, что язык не принадлежит жизни, он может трансформировать всю нашу человеческую деятельность и все формы жизни. Поэтому перед любым использованием существует первая операция, т.е. знак, который придает значение чувственным элементам. Такая конституция смысла заслуживает названия «значение». Смысл является логическим содержанием, которое можно использовать в формализации. Можно сделать вывод, что уже не достаточно смотреть, надо думать. Необходимо думать о том, что означает использование, когда впервые происходит присоединение к языку как системе знаков и значению.

Следовательно, применение языка к реальности перестает быть самоочевидным. Возникает вопрос: если язык отличается от реальности, как знак может сказать об этом? Выстраивается проблема значения, т.е. это больше не

термин, противоположный другому термину в системе, это ссылка на объект, удержание реальности [10].

Таким образом, Витгенштейн прав, когда утверждает, что говорение на языке является частью деятельности или формой жизни. Но язык, на котором это сказанное уже не просто форма жизни, а рефлексия. И именно для рефлексии мир жизни появляется только как источник смысла, который бесконечно отсылает назад к вопросу, о котором и писал Гуссерль.

Литература

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). / Э. Гуссерль. – Москва: Гнозис, Доминтеллектуальной книги, 2001. – 576 с.
2. Ricoeur P. Ledernier Wittgensteinet ledernier Husserlsurle langage // Études Ricoeuriennes / RicoeurStudies. Vol 5. № 1, 2014. pp. 7-27.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. Москва: Гнозис, 1994. – 612 с.
4. Медведев Н.В., Медведева Е.Е., Талалаева Е.Ю., Чернова Я.С. Понимание иных культур: философско-методологический анализ: монография. / Н.В. Медведев [и др.]. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – 276 с.
5. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1999. – 432 с.
6. Медведев Н.В. Витгенштейн и Гадамер о «языковой игре» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 5 (121). – 2013. – С. 156–165.
7. Ладов В.А. Витгенштейн versus Гуссерль // Вестник Томского государственного университета. – № 282. – 2004. – С. 49–55.
8. Королькова А.А. Языковая игра как форма жизни в произведениях Витгенштейна // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 119. – 2009. – С. 171–175.
9. Прохоров А.И. Философия языка Э. Гуссерля: тенденции и результаты // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2018. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 44–49.
10. Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии / М.Е. Соболева. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – 412 с.